

Издательство
АСТ

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

РУССКИЕ
ЛЮДИ

Пьесы

Москва
Издательство АСТ
2025

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С37

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереза*
Иллюстрация на обложке *А. Власовой*

Симонов, Константин Михайлович.

С37 Русские люди : пьесы / Константин Симонов. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 192 с.

ISBN 978-5-17-179614-3 (Школьное чтение)

ISBN 978-5-17-179615-0 (Классика для школьников)

Пьеса «Русские люди» входит в программу углубленного чтения по литературе в 11-м классе.

Константин Михайлович Симонов (1915–1979) – советский писатель, военный корреспондент, общественный деятель.

«Русские люди» (1942) — пьеса, написанная в разгар Великой Отечественной войны и сыгравшая огромную роль в поднятии боевого духа советских солдат и тружеников тыла. В центре пьесы — обычные русские люди: солдаты и партизаны, чьи мужество и преданность Родине проявляются в нечеловеческих условиях войны.

В книгу также вошла пьеса К. Симонова «История одной любви» (1951).

УДК 821.161.1-2

ББК 84(2Рос=Рус)6-6

ISBN 978-5-17-179614-3
(Школьное чтение)
ISBN 978-5-17-179615-0
(Классика для школьников)

© Симонов К.М., насл., 2025
© Власова А.Ю., ил. на обл., 2025
© ООО «Издательство «АСТ», 2025

РУССКИЕ ЛЮДИ

*Драма в трех действиях,
девяти картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Никитич Сафонов — командир автобата.

Марфа Петровна — его мать, 55 лет.

Валя Апощенко — шофер, 19 лет.

Александр Васильевич Васин, 62 года.

Иван Иванович Глоба — военфельдшер, 45 лет.

Панин — корреспондент центральной газеты.

Ильин — политрук.

Шура — машинистка.

Харитонов — врач-венеролог, 60 лет.

Мария Николаевна — его жена, 55 лет.

Козловский — он же Василенко, 30 лет.

Морозов.

Лейтенант.

Старик.

Семенов.

Розенберг.

Вернер.

Краузе.

Неизвестный.

Раненый.

Командиры, красноармейцы, немецкие солдаты.

Место действия — Южный фронт.

Время действия — осень 1941 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Комната с большой русской печкой, с иконами в углу. Рядом с ними пришпилена большая фотография Сафонова в кепке и шоферских рукавицах. Вечер. Марфа Петровна сидит за картами. Против нее Мария Николаевна в пальто.

Марфа Петровна (*отрываясь от карт*).
А то, может, разденешься?

Мария Николаевна. Нет-нет, я ненадолго.

Марфа Петровна. А помнишь, Маруся, как мы на женихов с тобой гадали, а? Это в каком году-то было? Дай бог памяти. Это было в году... в тысяча девятьсот восьмом году это было. Думали все, какие они явятся? Ах, хорошие, наверно. И вот оказалось все напротив. Мой и пожить со мной не успел — помер. А твой, ты извини, — какой гадюкой оказался!

Мария Николаевна. Марфа Петровна...

Марфа Петровна. Ты уж извини — гадюка. Говорю, что думаю.

Мария Николаевна. Ну, а что же ему было делать? Что же ему было делать? Пришли, стали в доме жить. А потом городским головой назначили. Он не хотел.

Марфа Петровна. Верю, что не хотел, но его главная мысль не об этом. Ему все равно, кем быть. Его главная мысль, чтобы живым остаться. Раз струсил, два струсил, три струсил, а дальше и до подлости дошел. Ты мне не говори, я его тоже знаю. *(Наклоняется над картами.)* И выходит тебе, Маруся, казенный дом. А дальней дороги тебе не выходит. Как тут жила, так и помрешь, дура душой. Вот сын твой придет с войны, он вас отблагодарит. Скажет: «Спасибо вам, родители, за то, что фамилию мою опоганили, отмыть нечем». Вот что он вам скажет.

Мария Николаевна. Только бы жив был... Я от него из Тирасполя последнее письмо получила.

Стук в дверь.

Марфа Петровна *(идет к двери)*. Кто там?

Голос: Быстрой!

Марфа Петровна снимает крючок. Входят немецкий фельдфебель, солдат и Козловский. Козловский в пальто, в полувоенной фуражке, с полицейской повязкой на рукаве.

Козловский. Сюда женщина входила? *(Замечает сидящую за столом Марию Николаевну, подходит, быстро поворачивает ее за плечи.)* Простите. Как вы сюда попали?

Мария Николаевна. Подруга детства. Здравствуйте.

Козловский. Здравствуйте. *(Смотрит на карты.)* Ах, гаданье... Тройка, семерка, туз... Давно вы здесь?

Мария Николаевна. Давно.

Козловский *(поворачивается к фельдфебелю)*. В следующий дом. Тут нет.

Козловский, немецкий фельдфебель и солдат уходят. Марфа Петровна, заперев дверь на крючок, брезгливо вытирает руки о висящее у двери полотенце.

Мария Николаевна. Козловский. Знаете, в первый день, когда познакомились с ним, милый был человек. Каких-то родственников своих здесь вспоминал: дядю пятнадцать лет не видал, говорил. Сидел, чай пил... А сейчас просто страшен. Дергается весь.

Марфа Петровна. Погоди, и твой тоже дергаться будет. Люди когда до окончательной подлости доходят, так сразу дергаться начинают. Эх ты! Взяла бы в платочек платишки связала, с чем пришла тридцать годов назад, с тем и ушла бы от него. А немцам порошку бы на прощанье высыпала. Да где уж там... А ведь хорошая ты девка была, красивая, веселая. Где все, скажи, пожалуйста?..

Мария Николаевна. Я пойду. Поздно уже. Но только не думай так плохо...

Марфа Петровна. Иди уж! Тошно будет — заходи. Сперва поворчу, потом пожалею. Тебя, конечно. А твоего мне не жалко. Тьфу! Ну его к черту! *(Провожает гостью, закрывает дверь на крючок, прислушивается. Потом громко, повернувшись к печке, говорит.)* Ну!

С печки легко соскакивает Валя в куртке
и мужских сапогах.

Ну вот, и проехали гости. Сердце-то колотилось небось?

В а л я . Ага.

М а р ф а П е т р о в н а . Все ж таки страшно?

В а л я . Ага.

М а р ф а П е т р о в н а . Эх ты, разведчица! Чай-то хочешь?

В а л я . Ага.

М а р ф а П е т р о в н а . Что ты мне все «ага» да «ага», как басурманка. Ты скажи: «Спасибо, тетенька, премного благодарна, налейте мне чаю».

В а л я . Спасибо, тетенька, налейте чаю.

М а р ф а П е т р о в н а . Вот то-то.

Далекие выстрелы.

Опять стреляют.

Пауза.

Скажи-ка, девушка, а вот ко мне тут мужчина от вас являлся, про сына говорил, привет передавал. Ну, это, конечно, прочих дел не считая. Где тот мужчина?

В а л я . Его вчера в бою убили. Потому меня и послали.

М а р ф а П е т р о в н а . Да, видный был. А ты что, девушка, через лиман вплавь, что ли?

В а л я . Вплавь.

Пауза.

Когда он придет, а?

М а р ф а П е т р о в н а . Придет в свое время. Сейчас на улицах все патрули ихние топают. Вот оттопают, пойдут свой кофий пить, тут он и придет как раз. Человек он такой, аккуратный.

В а л я . Как его звать-то?

Марфа Петровна. Как раньше звали, не помню, а теперь Василием зовут. Теперь всех у нас так зовут: кого Василием, кого Иваном...

Валя. Я ведь тут раньше шофером у председателя горсовета работала, так что я многих знаю.

Марфа Петровна. Шофером? Ну, тогда, может, и знаешь. Он, говорят, до немцев известный человек был в городе.

Валя. Кто — он?

Марфа Петровна. Да Василий.

За окном близкий выстрел.

Вон, опять бьют... А ты говоришь, почему не идет. Придет в свое время. Ты лучше чайку попей.

Валя. Ой, дайте.

Марфа Петровна *(наливает чай)*. Ишь какая. Пришла, целый кувшин воды сразу, а теперь чаю.

Валя. Да ведь нет у нас там воды. Водокачку взорвали. Стакан на день, хоть из лимана соленую пей!

Марфа Петровна. Да...

Пауза.

Ну, а сын-то живой, что ли? Все командует у вас там?

Валя. Командует. Он вам передавал поклон низкий. *(Замечает карточку на стене.)* А это что, он?

Марфа Петровна. Он. Да ты на карточку не гляди. Он не так чтобы интересный из себя, но зато орел парень.

Валя. Его у нас любят все.

Марфа Петровна. Это у него сыздетства. Он отродясь заводилой был.

В а л я . И маленький когда был — тоже?

Марфа Петровна . Ох, не приведи господи. Только ко мне и ходили с жалостями на него. Ну, а я говорю: лови. Поймаешь — уши надеру, а не поймаешь, — значит, ушел, его счастье. (*Задумчиво.*) А ты что это интересуешься, девушка?

В а л я . Так просто.

Марфа Петровна . А-а. А то я подумала...

В а л я . Что подумали?

Марфа Петровна . Может, любовь у вас...

В а л я . Нет, он только шутить любит. У меня, говорит, мой шофер вместо невесты. Меня невестой объявил. Все невеста да невеста.

Марфа Петровна . Невеста? Да разве это звание сейчас есть?

В а л я . А вы что, против него?

Марфа Петровна . Я не против, а только не время сейчас в невестах-то сидеть. Сегодня невеста, а завтра вдова. Так женой и не будешь.

В а л я . Так «невеста» — это же он в шутку.

Марфа Петровна . Ну, если в шутку.

Пауза.

Сейчас жизнь такая — мало в ней шуток. Ты хоть глазком-то глянула, когда немцы были?

В а л я . Нет, я только голоса слышала. Я шевельнуться боялась.

Марфа Петровна . По-русски говорил — это с ними Козловский был. Нездешний человек и подлый. Они его из Николаева привезли. А это, я считаю, хорошая примета, что привезли, потому что, значит, подлецов им в каждом городе не хватает. Одних и тех же из города в город возить приходится. (*Прислушивается, потом смотрит на настенные часы-ходики.*) Ну, вот теперь они кофий пьют.

Это ежели уж нагрянут теперь, то, значит, бог попустил! (*Не сходя с места, говорит.*) Василий?

Молчание.

А, Василий?

Валя невольно смотрит на дверь.

Василий?

Из-за занавески, в дверях соседней комнаты, потягиваясь, показывается бородатый мужчина.

Морозов. Ой, Марфа Петровна, и вздремнул я крепко.

Марфа Петровна. Даже немцы не побудили?

Морозов. Нет, на немцев у меня свое чутье, а как вы с девушкой журчать стали, так я опять заснул; думаю, пускай поговорят. (*Жмурясь от света, садится.*) Ох, и темно же у тебя в подполье!

Валя (*внимательно всматривается в него и вдруг всплескивает руками*). Сергей Иванович!

Морозов. Я вам, товарищ водитель, не Сергей Иванович, а Василий. Ясно?

Валя. Ясно, товарищ Морозов!

Морозов. И я вам, товарищ водитель, не Морозов, а тоже Василий. Ясно?

Валя. Ясно.

Морозов. И я вам, товарищ водитель, не председатель горсовета, а опять-таки Василий. Тоже ясно?

Валя. Тоже ясно.

Морозов (*шутливо*). Ну, а раз все ясно, то где же машина? Опять, наверно, не в порядке? Опять что-нибудь там? Рессора лопнула, да? Или как?

Валя. Все вы шутите, Сергей... Все вы шутите.

Морозов. Да. Все мы теперь шутим. Шутим, товарищ водитель.

Валя. Мы, значит, вас-то и ждали.

Морозов. Выходит, что нас. Ну, давай цидульку-то.

Валя достает из-за пазухи маленькую бумажку.

Ну, а ежели бы немцы?..

Валя. Проглотила бы.

Морозов. Ну ладно, коли так. *(Читает бумажку.)* Да уж придется вам, товарищ водитель, тут суточка посидеть. Тут мне такое воззвание прислали. Это не просто гранату в комендатуру кинуть. Это размышлений требует. Ну, что там слышно у вас в обороне вашей?

Валя. От лимана до поселка — наши. На Заречной — наши. И потом по Ряжской и до лимана обратно, а кругом немцы.

Морозов. Ясно, немцы. Они на тридцать верст вперед ушли уж. Вот, как говорят, не чаяли, не гадали, в тылу немецком оказались. Ну что ж, война. Бывает. У вас-то хоть в полгороде, за лиманом, Советская власть, а у нас — немецкая.

В дверь кто-то тихо скребется. Морозов вытаскивает револьвер. Марфа Петровна делает знак, чтобы они уходили. Валя залезает на печку. Морозов уходит за занавеску; Марфа

Петровна подходит к двери.

Марфа Петровна. Кто там?

В дверь опять скребутся. Марфа Петровна открывает дверь, и через порог падает на пол комнаты окровавленный человек в штатском, видимо сидевший прислонясь к двери. Марфа Петровна молча втаскивает его и, заперев дверь на крючок, становится около него на колени.

Ты кто есть?

Раненый (*слабым голосом*). А тут кто?

Марфа Петровна. Мы, свои.

Раненый. Водицы...

Марфа Петровна. Девушка!

Валя слезает с печки.

Подай воды. Подыдем его.

Раненый (*услышав, качает головой*). Не надо. Тут есть кто? Мне сказать надо... Я помру сейчас.

Марфа Петровна (*оставляет Валю с ним*). Пои, пои его, девушка. (*Идет за занавеску и говорит негромко.*) Василий!

Раненый. Это кто, это свои?

Валя. Свои, свои...

Входит Морозов.

Раненый. Я из окружения шел... Они... меня увидели... и вот... А документы взяли они... Моя фамилия... Водицы...

Валя (*дает ему еще воды*). Ну, фамилия?

Раненый. Моя фамилия... Ой, водицы...

Ему дают еще воды. Человек, вздрогнув, затихает.

Валя (*отпускает его голову; смотрит на его пиджак, у которого выворочены карманы и разорваны рукава*). Ой, как разорвали все. Документы, наверно, искали.

Морозов (*поднимается, стоит руки по швам*). Ну что ж, прощай, неизвестный товарищ. (*Неожиданно стирает слезу рукавом.*) Вот, кажется, и привык, а жалко людей. (*Смотрит на Валю.*) А ты что ж, водитель, не плачешь?

Валя. Не могу. Я уже все видала, Сергей Иванович, что и не думала никогда видеть — видала. Не могу плакать. Слезы все.